

Николай ШМЕЛЁВ

МОДЕРНИЗАЦИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

Наверное, до сих пор ещё ни в России, ни в мире не сложилось более или менее ясного представления, что значит её современный курс на модернизацию и каковы в связи с этим её сегодняшние и будущие международные интересы.

Ясно, что курс на модернизацию не может исчерпываться технической, так сказать, стороной дела, при всей важности таких направлений, как инновации, инвестиции, инфраструктура, информатика и даже интеллект как таковой. Модернизация, по определению, всеохватывающий процесс, и она не может не затрагивать все стороны общественной жизни страны, начиная от её политической системы и кончая самочувствием каждого отдельного её жителя. Модернизация, если она заслуживает этого названия, всегда революция. Разница только в том, насильственная она или ненасильственная, кровавая или бескровная, форсированная или в меру необходимости растянутая во времени.

И ещё одно, в каком-то смысле может быть даже самое важное различие: имеются ли для модернизации благоприятные (или хотя бы нейтральные) внешние условия или её приходится проводить в условиях ощутимого внешнего давления, а то и прямых войн с могущественными внешними противниками? В истории России только, пожалуй, Александру III удалось построить Транссиб без серьёзных столкновений с кем бы то ни было. А так, от Петра I до всего XX века включительно, – либо кровавые войны, либо максимальное напряжение народных сил под тяжелейшим бременем гонки вооружений.

Втягиваясь в процесс модернизации, страна должна прежде всего ясно сознавать цель, которую она перед собой ставит: что она собирается строить, каких перемен для себя желает и по какой цивилизационной дороге она дальше пой-

---

© Шмелёв Николай Петрович – академик, директор Института Европы РАН.

E-mail: ieras@mail.ru

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проскт 09-02-00519а/Р.

Ключевые слова: модернизация, Россия, мир, Европа, Восток, постсоветское пространство, международные интересы России.

дёт. Это может быть уже устоявшаяся евро-атлантическая цивилизация, это может быть сближение и всё большее взаимопроникновение с динамичной восточно-азиатской цивилизацией, наконец, это может быть самостоятельная, в высшей степени самодостаточная цивилизация с очевидной опорой на чисто российские традиции. Выбор этот закладывается именно сейчас, на начальном этапе очередной нашей революции, то есть модернизации.

Конечно, никто в здравом уме не возьмётся предсказывать, что будет с миром и с нашей страной через два-три поколения. Но можно, видимо, с большой долей уверенности сказать, что при любом развитии событий (за исключением всемирной катастрофы) европейский способ жить, европейская культура, европейское мышление и одновременно извечная забота как освоить и сохранить восточную, азиатскую часть страны, будут составлять содержание российской цивилизации. Если для кого-то удобнее называть её “евразийской” – что ж, слово как слово, главное, что оно тоже сохраняет всю специфику положения, в котором исторически находится наша страна.

Неотложные задачи

Независимо от того, в какую сторону в будущем качнутся для России чаши цивилизационных весов, жизнь выдвигает ряд “императивов”, которые мы, хотим того или не хотим, должны исполнить, причём даже скорее в порядке “предмодернизации”, чем самой модернизации. Это прежде всего демографическая яма, в которой оказалась Россия; это сохранение её территориальной целостности, особенно касательно её Восточной Сибири и Дальнего Востока; это необходимость её “второй индустриализации”, чтобы восстановить примерно половину её промышленного потенциала, погибшего в годы лихорадочных реформ, и сохранить другую его половину, которая может погибнуть в ближайшие десяток лет из-за стремительного устаревания её основных фондов; это создание не принудительного, из-под палки, а автоматического механизма инновационной активности компаний и предприятий и решение в этой связи проблемы взаимоотношений государства – олигархического (монопольного) – среднего и малого бизнеса; это преодоление углубляющегося аграрного кризиса и решение извечного российского “земельного вопроса”; наконец, это исправление колоссальной ошибки недавнего прошлого, выразившейся в крахе российской фундаментальной и прикладной науки и профессионального обучения, эмиграции порядка 1/3 “российских мозгов”, общем упадке образования, здравоохранения и культуры. Отдельный вопрос – колоссальная социальная дифференциация и недопустимо низкий жизненный уровень российского народа.

Сам по себе объём и предмодернизационных, и модернизационных задач столь огромен, что было бы неудивительно, если бы в современной России возобладали своего рода “изоляционистские” настроения. Пока страна не завершит свою очередную (на этот раз некровавую) революцию, нам по-настоящему ни до кого никакого дела нет. Свои задачи Россия вполне может решить, полагаясь в основном на свои собственные силы и ресурсы. Конечно, как и любой другой нормальной стране, нам нужны активные внешние экономические связи,

особенно в сфере новых технологий. Нам нужно более или менее свободное движение капиталов в обе стороны. Нужно и такое же движение (а не бегство) людей, и тоже предпочтительно в обе стороны. Но никаких специфических политических интересов, согласно подобной точке зрения, ни в одном районе мира у России быть не должно, включая даже и постсоветское пространство.

Россия и мир

Подобный подход (хорошо это или плохо – другой разговор) в современных условиях является, несомненно, чистой иллюзией. Россия и её модернизация зависят во многом от внешнего мира, от того, насколько внешние условия враждебны или, наоборот, благоприятны её намечаемым целям и её усилиям. В этой связи вполне естественным становится вопрос: а что, собственно, России нужно от внешнего мира? В чём её реальный интерес? И каково соответственно её место в современной системе международных отношений?

Нужна, конечно, прежде всего безопасность – от массированного внешнего нападения, от перенесения на её территорию региональных конфликтов, от попыток подорвать её изнутри. Думается, что сегодня такая безопасность может быть обеспечена без предельного напряжения национальных сил и ресурсов, без изматывающей гонки за “паритетом”, без содержания огромной армии, состоящей в основном из призывников. Для защиты от массированного ядерного нападения извне нет нужды содержать даже современный уменьшенный ядерный потенциал, рассчитанный тем не менее на всеокрушающий ответный удар: хватит вполне гарантированного уничтожения хотя бы нескольких ведущих городов и центров на территории вероятного противника. Эти же ударные силы вполне могут отразить агрессию и в случае массированного вторжения через наши границы каких-то крупных сухопутных соединений. На все же другие случаи безопасность может быть обеспечена компактными и подвижными контрактными силами. При этом никак нельзя недооценивать необходимость разработки и производства высокоточных обычных вооружений, в том числе и для использования их в возможных серьезных региональных или локальных конфликтах.

Реальная ситуация не только сегодня, но и в обозримом будущем такова, что Россия без всяких оговорок кровно заинтересована как в дальнейшем сокращении стратегических вооружений, так и в нераспространении оружия массового уничтожения. В этом смысле интересы и России, и США, и всего мирового сообщества в отношении опасностей, исходящих от Северной Кореи и Ирана, совпадают. Весь вопрос в приемлемой силе давления на эти страны с целью побудить отказаться от ядерного оружия.

Россия объективно заинтересована и в том, чтобы США поскорее выпутались из Ирака и Афганистана, куда они так нерасчётливо ввязались несколько лет назад. Причём речь идёт не только о нефтяных интересах. Россия всё больше и больше осознаёт разрушительную опасность наркотрафика, резко выросшего с присутствием американских и других международных сил в Афганиста-

не. Причём эта угроза в растущих масштабах охватывает и ближайших её соседей – страны Центральной Азии.

Россия заинтересована также в том, чтобы на смену соперничеству в регионе Каспия и Черноморья-Средиземноморья, прежде всего в сфере добычи и транспортировки нефти и газа, пришло многостороннее конструктивное сотрудничество, в рамках которого по единому международно разработанному плану были бы объединены в общую систему ресурсодобывающие и транспортные возможности всего этого обширного региона. В конце-концов, отмеченный регион является уже сегодня не только серьёзным конкурентом традиционным поставщикам нефти и газа (в том числе и сжиженного) из России, Ближнего Востока, Северного моря и других районов, но и по существу пока единственным известным мировому сообществу резервом на случай, если что-либо серьёзное и непредвиденное произойдет на Ближнем Востоке.

Представляется, что Ближний Восток вообще стал сегодня средоточием всех политических проблем мира, поскольку реально это, пожалуй, единственное место, откуда может вспыхнуть новый мировой пожар. Кто и с кем должен разговаривать, кто может быть действенным посредником, как долго могут продолжаться подобные переговоры, существуют ли, а если существуют, то какие, условия для компромисса, которого мир ждёт уже более 60 лет – все эти вопросы беспокоят Россию почти столь же остро, как и США, и Европу, и многие другие страны. В случае чего Россия даже помимо своей воли будет, несомненно, втянута в этот конфликт. Нужно ли это для её модернизации, для новой её революции? Ответ, думаю, очевиден.

Россия и Европа

Конечно, в практическом, так сказать, повседневном плане приоритетными традиционно для России являются наши отношения с Европой, а точнее, с Евросоюзом, объединяющим сегодня 27 европейских государств. Здесь наши главные партнёры по торговле, отсюда приходят к нам основные зарубежные инвестиции и кредиты, здесь находятся важнейшие для нас источники технологических заимствований, с Европой у России века назад сложились самые тесные культурные, образовательные, научные и просто человеческие связи.

Что нужно сегодня России от Европы? Возможно, это странно прозвучит, но, думается, прежде всего нужно, чтобы Европа, то есть Евросоюз, не развалилась в обозримом будущем на несколько осколков. Россия искренне заинтересована в том, чтобы этот великий исторический эксперимент, может быть, самый конструктивный за всю мировую историю, выдержал все испытания и в любых обстоятельствах сохранил свою жизнеспособность и дееспособность.

Между тем нередко возникают опасения, что цели некоторых политических лидеров Евросоюза слишком амбициозны, что у основных плательщиков Евросоюза в конце концов не хватит средств на субсидирование (в том или ином виде) менее развитых стран-членов, что в непрекращающейся конкуренции между наднациональными претензиями Брюсселя и национальными интересами отдельных, особенно крупных, европейских государств исход в конечном счёте

может быть не в пользу Брюсселя. А к этому необходимо добавить намерения присоединить к Евросоюзу взрывоопасные балканские государства, а затем, возможно, и Турцию, и Украину, и Молдавию... Всё на свете имеет свои пределы, и понятны опасения, что в конце концов может рухнуть под собственной тяжестью и вся конструкция.

В последние пару лет, в ходе мирового экономического кризиса, к политическим факторам возможной неустойчивости Евросоюза добавились и чисто экономические. Закачалась и покатила вниз единая валюта еврозоны – евро... Пугающие размеры бюджетных дефицитов и задолженности таких значимых стран, как Греция, Испания, Португалия, Италия, Ирландия, Венгрия, Латвия, заставляют руководство Евросоюза, лидеров ведущих европейских стран, Евробанк и Международный валютный фонд принимать экстренные меры, включая образование общего резервного фонда порядка 1 трлн долларов, чтобы спасти европейскую валюту. Вполне вероятно, что эти усилия дадут положительный результат, а некоторое снижение курса евро может оказаться даже полезным как средство повышения конкурентоспособности европейского экспорта. Однако нельзя не отметить весьма характерное в последнее время появление двух различных концепций поддержания еврозоны: “южной” – спасти всех при любых обстоятельствах, и “северной” – не останавливаться даже перед исключением из еврозоны отдельных стран, если они нарушат общие согласованные бюджетно-финансовые критерии.

Другим долгосрочным интересом России в отношениях с Евросоюзом следовало бы, наверное, считать продолжение движения по пути “дорожной карты”, основные направления которой были разработаны и согласованы в 2005 году.

Выдвинув недавно идею коллективной “безопасности для всех”, Россия продемонстрировала, что зафиксированная договорённость об “общем пространстве внешней безопасности” в Европе является для неё отнюдь не риторикой, а практическим руководством к действию. Нельзя не отметить также определённый прогресс в создании общего пространства “законности и порядка”, или, по-иному, “внутренней безопасности”. Россия строит собственный, во многом отличный от европейского вариант демократии. Но она его всё же строит, шаг за шагом сближаясь с Европой в таких областях, как права человека, верховенство закона, борьба с такими антиобщественными явлениями, как коррупция, организованная преступность, распространение наркотиков, и пр.

Несомненно, процесс строительства российской демократии потребует немало времени. К примеру, если основу демократии – местное самоуправление – Европа строила с XII–XIII веков, Россия, по сути, только начинает это строительство. И никто, естественно, не знает, сколько для этого потребуются лет, а то и десятилетий, а то и поколений.

Определённый прогресс по ещё одному направлению “дорожной карты” следует отметить в вопросе о распространении безвизового шенгенского режима на Россию. Может быть, не стоит сокрушаться, что этот прогресс пока достаточно медленный, а иногда и искусственно замедленный. В цивилизационном отношении свобода передвижения людей от Атлантики до Тихого океана может

стать самым важным историческим сдвигом в судьбах всего евроазиатского континента. И разного рода нетерпеливые подталкивания вряд ли принесут в этом деле много пользы. Кроме всего прочего, шенгенский процесс теснейшим образом связан с созданием общего культурного пространства между Россией и Европой, а здесь сам естественный ход событий принял уже очевидную и достаточно интенсивную динамику.

Представляется, что на данном этапе самым важным и одновременно самым проблемным интересом России в Европе (имея в виду прежде всего Евросоюз вообще и еврозону в частности) является экономический интерес. “Общее экономическое пространство”, по определению, предполагает свободу передвижения через национальные границы всех факторов производства – товара, капитала, рабочей силы и знаний (услуг). В перспективе десятилетия или двух наибольшие возможности может дать сотрудничество сторон в реализации планов “второй индустриализации” России, то есть обновления значительной, если не решающей, части её оставшегося ещё промышленного потенциала, за счёт импорта новейшего оборудования из стран ЕС. В Евросоюзе в интересующих Россию прежде всего машиностроительных отраслях имеются как избыточные, незагруженные производственные мощности (что стало весьма ощутимо в период нынешнего кризиса), так и технологические разработки, представляющие особую ценность для нас в связи с развалом российской прикладной науки и НИОКР.

При соответствующей политике средства для такого участия Евросоюза в российской модернизации имеются: во-первых, лежащие пока мёртвым грузом российские золотовалютные резервы, сформированные в основном за счёт нефтегазовых доходов и сегодня приносящие России до неприличия малую прибыль, во-вторых, требующая серьёзнейшего государственного вмешательства склонность российских монополий не инвестировать, а проедать или переводить за границу свои доходы, в-третьих, пока ещё более или менее устойчивая репутация России как относительно надёжного заёмщика (в отношении государственного долга бесспорное, а в отношении корпоративного долга – с определёнными оговорками, но с большой надеждой на государственные гарантии в какой-либо сложной ситуации). Одним словом, покупать оборудование для модернизации нашего промышленного потенциала есть на что. Была бы политическая решимость (конечно, с двух сторон) на подобную стратегическую перемену курса, иными словами, на стратегический прорыв.

Было бы естественно также ожидать, что приток иностранного (европейского) капитала в конце концов станет устойчиво перекрывать отток (бегство) и его, и отечественного капитала. Так уже было в короткий период в предкризисные годы, причём речь идёт, конечно, в первую очередь о прямых инвестициях и активности на фондовом рынке. В России сегодня задёшево можно купить всё: землю сельскохозяйственного и промышленного назначения, предприятия инфраструктуры, торговые возможности, достаточно квалифицированную (и неквалифицированную) рабочую силу и т.д.

Нередко, правда, можно слышать сетования на то, что иностранцев не пускают в некоторые стратегические отрасли (а таких становится всё меньше), в

добычу нефти, газа, металлических руд и т.д. Но не говоря уже об оборонных соображениях, можно, наверное, понять наших монополистов, которые до сих пор присваивают до 70% природной ренты на ресурсы (в Саудовской Аравии – 10%, в Норвегии – 20%) и делиться ни с кем, тем более с чужаками такой благодатью не хотят. Можно понять и другую постановку вопроса: хорошо, мы вас пустим во все эти отрасли, а что мы получим взамен? Ведь вплоть до сегодняшнего дня и в США, и в Евросоюзе любое поползновение российских компаний приобрести какие-либо серьёзные активы в ведущих отраслях экономики неизменно встречается в штыхы.

Вполне возможно, что вопросы свободы и взаимной защиты инвестиций могут быть в принципе решены при затянувшийся подготовке другого варианта “Энергетической хартии”. По крайней мере на сегодня принцип взаимности на словах уже признаётся. Думается, что серьёзную положительную роль в энергобезопасности и энергоснабжении Европы сыграют новые проекты трубопроводов с востока на запад континента, а также достигнутые договорённости с Украиной о стабильности поставок через её территорию.

Когда будут реализованы цели, намеченные в “дорожной карте”, когда общее пространство будет охватывать и Евросоюз, и Россию, и большинство постсоветских государств, гадать сегодня бесполезно. Думается, что это как раз тот самый случай, когда движение к цели, может быть, даже важнее самой цели. Очевидно, что на евроазиатском континенте развиваются сегодня (один более удачно, другой менее) два параллельных интеграционных процесса, и ни в чьих интересах препятствовать этому движению. Думается, что никогда ни Россия, ни Украина, ни Казахстан, ни Белоруссия не станут полноправными и полнокровными членами Евросоюза. Невозможно, например, себе представить, что Россия когда-нибудь передаст основную часть своих полномочий (особенно политических) каким бы то ни было наднациональным органам в Брюсселе. Но если когда-нибудь (пусть через пятьдесят – сто лет) основные ценности, сам скелет и кровеносная система гигантского общественного организма, раскинувшегося от Атлантики до Сахалина и Камчатки, будут похожи на нечто единое – об этом стоит не только мечтать, но ради этого стоит работать уже сегодня. И любой позитивный шаг в этом направлении, включая, конечно, и подписание нового обязывающего соглашения о партнёрстве и сотрудничестве, можно и должно только приветствовать.

Россия и страны постсоветского пространства

Другим важнейшим приоритетом России в создании благоприятных внешних условий для её модернизации является основная часть постсоветского пространства. Причины этого объяснять не надо. Вековые цивилизационные, исторические, чисто человеческие связи, а в некоторых областях не только традиционные рынки сбыта, но и ещё сохранившиеся потребности в производственной кооперации – всё это имеет свою собственную логику развития. И после почти двадцати лет испытания на разрыв многое сегодня говорит, скорее, не о разрыве, а о намечающемся новом сближении.

Скажем, даже если центральноазиатские государства сумеют все-таки отладить свои ирригационные системы и остановить дальнейшее расхищение ресурсов Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, всё равно восстановление Арала немислимо без какого-то крупного международного проекта, основными участниками которого не могут не быть и ряд других постсоветских стран, включая Россию. Столь же исторически важными могут стать объединённые со временем в единую систему различные проекты международного транспортного коридора (или коридоров) Запад – Восток.

Правда, России в этом отношении следовало бы отказаться от некоторых иллюзий и признать, что роль определённого донора и в Таможенном союзе России, Белоруссии, Казахстана, и в более широких постсоветских интеграционных образованиях для неё неизбежна. Конечно, можно понять современную сдержанность её в этом вопросе. Более 40 лет, например, мы продавали Восточной Европе всё за 30% мировой цены, а покупали у этих стран их продукцию (с учётом её качества) за 200% мировой цены. И что в итоге мы за это получили? А кто-нибудь догадался хотя бы спасибо сказать нам за то, что после распада Советского Союза Россия более пятнадцати лет откровенно субсидировала другие постсоветские государства, правда, спрятав эти субсидии в цену своих товаров, в частности, нефти и газа?

Попытка отказа от этой несправедливой практики и перехода к нормальным рыночным условиям, конечно, несколько затормозила интеграционные процессы на постсоветском пространстве. В принципе подобные изменения в российской политике и практике были, несомненно, правильными. Думается, однако, что и в дальнейшем без каких-то форм субсидирования (пусть и в ограниченных масштабах) нам всё же не обойтись. Этого, наверное, не удастся избежать и при реализации обсуждаемого сегодня проекта нового международного финансового центра в Москве, основу которого по необходимости должен составить российский рубль.

С момента распада Советского Союза угрозой существованию и внутренней стабильности постсоветских государств была отнюдь не Россия. Напротив, она как раз была (и остаётся) важнейшим фактором хоть какой-то стабильности на всём постсоветском пространстве. Вооружённый конфликт между Арменией и Азербайджаном из-за Нагорного Карабаха, длительная племенная резня в Таджикистане, война в Молдавии между Кишинёвом и Тирасполем, непрерывные попытки не раз менявшейся администрации Грузии силой удержать в её составе Южную Осетию и Абхазию (вплоть до войны августа 2008 г.), кровавые мятежи в Киргизии, Узбекистане и вновь в Киргизии, угроза распада Украины на несколько даже не автономных, а вполне независимых образований – во всех этих событиях роль России всегда была конструктивной (в крайнем случае нейтральной). И сколько бы ни заявляли некоторые лидеры и влиятельные политики США, а нередко и Евросоюза, что Закавказье, Каспий, Центральная Азия и пр. – это зона непосредственно их интересов (и естественно, ответственности), постсоветское пространство всегда было и останется зоной преобладающего влияния России. Так распорядилась история, а не “многомятежное человеческое хотение”.

Восточный вектор в политике России

Вместе с тем нельзя не видеть, что определённые объективные факторы заставляют Россию в последние годы частично переориентировать свои интересы и связи на Восток. Это, несомненно, огромная по значению международная проблема, и контуры её возможного масштабного решения уходят куда-то далеко за видимый временной горизонт. Соседство с могущественным и ускоренно набирающим ещё большую силу Китаем, сдвиг промышленного, а отчасти и финансового мирового центра силы в Юго-Восточную Азию, проблема непрывающейся депопуляции российской Восточной Сибири и Дальнего Востока, трудности, а может быть, даже и невозможность для России освоить эти регионы только своими силами, без массивной иммиграции и притока капитала из-за рубежа – всё это заставляет крайне серьёзно отнестись к восточному вектору во внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии современной России.

По крайней мере сегодня и в видимой перспективе ситуация для интересов России в Азиатско-Тихоокеанском регионе складывается достаточно благоприятно. Всем понятные общие и специфические гарантии безопасности, урегулированность с китайской стороны всех пограничных проблем, огромные возможности для модернизации и “второй индустриализации”, которые предоставляют импорт техники и заимствование передовых технологий из таких стран региона, как Япония, Китай, Южная Корея, наконец, надёжные и постоянно растущие рынки сбыта для традиционного, преимущественно энергосырьевого экспорта России, а также создание современных трансграничных коммуникационных и транспортных систем – всё это составляет комплекс внешних условий, которые ставят Россию в высоко конкурентное положение с очевидной выгодой для неё. Ибо она постепенно приобретает самое, может быть, главное – право выбирать. Не случайно на Западе этот вопрос уже начали обсуждать с предельной серьёзностью и откровенностью.

Не стоит, видимо, даже и сегодня отворачиваться от ещё одной, в высшей степени неясной пока проблемы – возможной массивной иммиграции в Россию извне. Любая мыслимая чисто переселенческая (из внутренних регионов России и ближайших постсоветских государств) политика объективно не может решить проблему депопуляции восточных регионов страны. Опыт Екатерины II здесь тоже вряд ли поможет: не те масштабы, да и остатки “неприкажного” европейского населения сохранились разве только что в Южной Африке. Сегодня ни руководство страны, ни тем более её население, очевидно, не готовы не только решать, но даже и ставить этот вопрос. Однако жизнь идёт, и, вероятно, рано или поздно его решать всё же придётся.

И евро-атлантический, и восточно-азиатский векторы международной политики России отнюдь, конечно, не означают, что её интересами в других регионах мира можно и пренебречь. Помимо общеполитических соображений, эти регионы представляют для неё, возможно, единственную реальную надежду (если она всерьёз ставит перед собой задачу модернизации, чтобы не скатиться в ближайшие одно-два десятилетия окончательно к статусу энергосырьевого

придатка высокоразвитого мира), прорваться на мировые рынки с высокотехнологической, да и просто высокотехнической продукцией. Сегодня высокотехнологическая продукция составляет менее 1% её экспорта, а машины и другая продукция высокой степени обработки – менее 10%. Неприученной и непривыкшей к жёсткой конкуренции России не скоро удастся отвоевать себе достойное место на рынках индустриальных стран. А на рынках развивающихся государств она (естественно, при сохранении должного качества продукции) может конкурировать хотя бы условиями поставки – ценой, кредитом, запчастями, надёжным обслуживанием и пр.

В этой связи встаёт, понятно, вопрос: будет ли в конце концов Россия в обязательном порядке подчиняться правилам ВТО или она останется ещё надолго (а то и навсегда) аутсайдером? Как известно, переговоры о вступлении России в эту организацию идут уже около 15 лет и пока всё ещё балансируют на грани срыва. Думается, сложившаяся ситуация не может быть оценена однозначно. Конечно, выгода от вступления в ВТО для наших экспортёров некоторых первично обработанных видов продукции (например, металлов) в результате снижения тарифов, отмены квот и прямых запретов и пр. представляется реальной: по ряду оценок она может достичь 3 млрд долларов в год (то есть порядка 2% нашего экспорта). Удешевление импорта новой техники и технологий в результате устранения всякого рода препятствий, в том числе налоговых, тоже вполне реально. Но как режим ВТО с его отменой или заметным ограничением таможенных тарифов и других импортных барьеров скажется на интересах наших и без того дышащих на ладан отечественных производителей (например, текстильной или швейной, пищевой или автомобильной отраслях промышленности, а также на сельскохозяйственном производстве)? Думается, пока они так или иначе не поднимутся, стратегия модернизации в результате вступления в ВТО может вновь (в который раз) столкнуться с самыми разрушительными последствиями.

Определённая настороженность в этом вопросе вполне понятна. Международные организации тоже ведь бывают разные. Есть ООН, но есть, скажем, и НАТО. И разгромленная, разбомбленная ни с того, ни с сего Югославия является убедительным предупреждением, что в подобных вопросах осторожность и осмотрительность никогда не помешают.

* * *

Россия активно участвует в работе “восьмёрки”, а теперь и “двадцатки”, она является членом МВФ и Мирового банка, она высоко ставит своё членство в ШОС и ОДКБ, она ведёт регулярные консультации и переговоры по линии Россия – НАТО и Россия – Евросоюз, включая и недавнюю совместную ростовскую инициативу “Партнёрство для модернизации”. В конце концов, это та густая сеть соглашений и организаций, которая так или иначе опутывает сегодня все континенты. И провозглашённый Россией курс на радикальную модернизацию страны, не угрожая никому, органично вписывает её в то русло, по которому движется сегодня весь цивилизованный мир.